

О работе профессора Я. С. Дубнова в Коми государственном педагогическом институте (1952–1954 уч. годы)

А. Г. Порошкин

С профессором Я. С. Дубновым мне довелось поработать два учебных года на кафедре математики Коми государственного педагогического института. После окончания в 1951 г. этого института и года работы в сельской школе я был принят на кафедру математики в должности ассистента и приступил к работе в сентябре 1952 г.

Яков Семёнович по приказу директора института (ректоры в те времена были только в университетах) был принят на работу с 1 сентября 1952 г., но приступил к работе в конце сентября или в начале октября. Помню, что он читал курсы дифференциальной геометрии (оба учебных года), аналитической геометрии (в 1953–54 уч. году), проективной геометрии и оснований геометрии, вёл практические занятия по первым двум курсам. Курсы двух геометрий (дифференциальной и аналитической) читались физикам и математикам отдельно. В те годы на первый курс принималось по 50 студентов-математиков и столько же физиков, но ко второму курсу число студентов сильно сокращалось.

Яков Семёнович проводил кружковые занятия со студентами III–IV курсов по решению задач Московских математических олимпиад школьников (в стране тогда подобные олимпиады проводились только в Москве, Ленинграде и, возможно, в Киеве). На первом занятии кружка предупредил участников: «Пусть вас не обижает то, что будем решать школьные задачи. Имейте в виду, что в лице московских школьников, участвующих в олимпиадах, вы имеете серьёзных конкурентов». Эти занятия посещались также учащимися старших классов городских школ.

Яков Семёнович нередко читал студентам популярные лекции. Темы их были всегда интересными. Помню одну из них: «Для чего нужно знать высшую математику учителю математики средней школы?». Все подобные лекции студенты посещали охотно и слушали с большим интересом, хотя и проводились они вне расписания.

Семинара специально для преподавателей кафедры Яков Семёнович не организовывал, хотя по вопросам преподавания такой семинар мог бы

существовать. Однако заседания кафедры нередко практически переходили в семинары при самом активном участии Якова Семёновича. На них он в непродолжительных своих выступлениях высказывал интересные мысли, предлагал обсуждать их, активно обсуждал планы открытых лекций (или сами лекции) молодых преподавателей (их на кафедре было большинство), давал полезные советы, вносил предложения по изменениям учебных программ и перестройке некоторых курсов. Помню, на одном из заседаний он сделал интересный доклад о преподавании начал дифференциального исчисления. Яков Семёнович считал, что начинать этот раздел следует с понятия дифференциала, а уж затем знакомить с производной.¹⁾ Он предлагал ввести понятие «подъём прямой» (по-видимому, вместо углового коэффициента). Выказано было много интересного, но время и работа стёрли почти всё из памяти.

Кафедрой математики в Коми пединституте Я. С. Дубнов не заведовал. Конечно, по принятым правилам при наличии на кафедре доктора наук, профессора, он должен был бы руководить кафедрой. Но руководство института, видимо, предполагая, что Яков Семёнович долго не задержится в Сыктывкаре, да ещё и при отсутствии нормальных бытовых условий, сочло возможным оставить заведующим кафедрой своего выпускника, фронтовика Г. П. Лапина, успешно защитившего в 1950 г. кандидатскую диссертацию и имевшего уже ученое звание доцента. Это могло быть и ориентиром для будущих выпускников факультета, настроить их на продолжение учёбы в аспирантуре: Смотрите! И нашим выпускникам это по силам! Надо сказать, что до Г. П. Лапина на кафедре не было ни одного кандидата наук с конца 30-х годов, тем более из выпускников своего института.

В течение 1952 г. на кафедре математики работал еще один профессор из Ленинградского горного института, Андрей Митрофанович Журавский, осужденный в 1942 г. по «Делу №555» на 10 лет²⁾ и в феврале 1952 г. высланный в Сыктывкар. В январе 1953 г. он возвратился в Ленинград, в 1954 г. был реабилитирован, а затем восстановлен в прежней должности профессора и заведующего кафедрой. Беседы Я. С. Дубнова и А. И. Журавского часто проходили на кафедре в основном во внеурочное время и были для нас всегда интересны; их помощь, советы преподавателям были неоценимы. Их занятия, посещаемые нами, были для нас прекрасными уроками, показывающими, как надо работать со вчерашними школьниками.

---

¹⁾По этому поводу см. статью Я. С. Дубнова «Содержание и методы преподавания математического анализа и аналитической геометрии в средней школе» в сборнике «Математическое просвещение», сер. 2, вып. 5, 1960, с. 17–56, 72.

²⁾Подробно об этом можно прочитать в статье Я. Голованова «Палачи и жертвы дела №555», опубликованной в журнале «Огонёк» №5 за 1992 год.

Яков Семёнович был прекрасным лектором, какие нечасто встречаются даже среди профессоров. Работавший в Коми пединституте с 1937 г. заведующим кафедрой физики доцент Г. П. Балин с особой радостью принял сообщение о том, что к нам в институт едет работать московский профессор Я. С. Дубнов. В конце 20-х – начале 30-х годов Г. П. Балин обучался во втором МГУ (впоследствии Московском государственном пединституте), где слушал лекции Якова Семёновича. Он говорил, что Яков Семёнович был единственным преподавателем, на лекциях которого была 100-процентная посещаемость (в то время в вузах было свободное посещение занятий и лекции других преподавателей посещало не более трети студентов).

Мы, студенты послевоенных лет, пользовались прекрасными учебниками и задачками Якова Семеновича по курсам дифференциальной геометрии и математического анализа (эти книги были в нашей библиотеке, думаю, что они сохранились и на кафедрах), были как бы знакомы с ним заочно, и нам естественно было интересно встретиться с ним, поработать вместе с известным ученым и профессором.

Приезд Якова Семёновича в Сыктывкар объясняется следующим. Его жена, известный врач, кандидат медицинских наук, в 1936 г. была осуждена и отбыла срок в лагере. В конце 40-х годов она была переведена на поселение в посёлок Железнодорожный (Княжпогост), в 100 км от Сыктывкара, а в 1952 г. ей было разрешено проживание в г. Сыктывкаре, где с 1932 года существовал педагогический институт. Сюда в этот институт и приехал Яков Семенович. Проживали они в четырёхэтажном студенческом общежитии института в центре города. (В то время немало наших преподавателей, и не только молодых, но и семейных, проживали в общежитиях. Квартиры даже в деревянных домах ждать приходилось долго).

По-видимому, в 1954 г. жене Якова Семёновича разрешили выехать в Москву, и они уехали из Сыктывкара в августе 1954 г. Яков Семёнович, видя тяжелое положение с кадрами на кафедре математики (на кафедре оставалось 8 преподавателей, из них один кандидат физико-математических наук доцент, заведующий кафедрой), возможно, давал согласие продолжить работу в КГПИ по совместительству³⁾: приезжать на небольшой срок, читать лекции, принимать экзамены (подобное практиковалось в конце 40-х годов, когда на таких условиях приглашали из Горьковского пединститута доцентов Н. А. Фролова (читал курс математического анализа) и В. И. Костина (читал курс «Основания геометрии»). Согласись на это руководство института — была бы огромная помощь для кафедры. Однако оно отказало в этой просьбе, предложило остаться на работе на

³⁾ В личном деле Якова Семеновича имеется заявление о переводе его в 1954–55 учебном году на 0,5 ставки.

постоянной основе. Разумеется, Яков Семёнович на это не согласился. Кто бы согласился променять Московский университет на пединститут в Сыктывкаре, куда в то время можно было долететь только самолётом! Вернувшись в Москву, Яков Семёнович организовал выпуск научно-методических сборников «Математическое просвещение», в основном предназначенных для активных учителей, любопытных студентов и даже школьников. Через несколько лет после его кончины выпуск сборников прекратился. Кажется, в 1962 г., я был свидетелем беседы профессора В. А. Залгаллера с участником семинара в ЛГУ. На вопрос: почему прекратился выпуск «Математического просвещения» В. А. Залгаллер ответил примерно следующее: «Потому что не стало инициатора создания этого сборника, душой болевшего за него, — Якова Семёновича Дубнова».

Никогда ни с кем у Якова Семёновича не было конфликтов, хотя свою точку зрения он всегда твёрдо отстаивал.

Студенты вспоминали: на одной из первых лекций в аудитории начался шумок, он прервал рассказ и заявил: «Впрочем, если кому-то не интересно слушать меня, я не возражаю, если они покинут аудиторию». Голос его был довольно громкий, язык — дай Бог так говорить многим нашим дикторам радио и телевидения. Оформление доски идеальное, как говорят, снимай с доски все формулы и чертежи и переноси на страницу учебника — ничего печатать не нужно. Лекции читал замечательно и все студенты от них были в восторге. До сих пор оставшиеся еще в живых бывшие ученики вспоминают его добрым словом. Был всегда доброжелателен к студентам, но требований не снижал: то, что ты сдаёшь на экзамене, ты должен понимать и знать. Помню, был такой случай. После экзамена в одной группе он шутя и с сожалением говорил на кафедре: «Получили 20 двоек из 25 возможных». Но через несколько дней, после переэкзаменовки, та же группа оставила Якову Семеновичу хорошее впечатление; он весьма довольный рассказывал на кафедре об этом: вот, дескать, подготовились как следует и получился другой результат. Между прочим, принимая экзамен, он весь был занят беседой с экзаменуемым. Создавалось впечатление, что аудитория оставлена им без внимания. Об этом как-то тактично намекнул Якову Семёновичу наш декан М. А. Выборов, зайдя к нему на экзамен: дескать, студенты могут воспользоваться источниками. Яков Семёнович спокойно ответил: «Ничего, это не так важно. Во время ответа сразу станет ясно, сознательно усвоен материал или нет». Он с большим удовлетворением ставил высокие оценки знающим студентам и комментировал на кафедре их ответы. Память его была изумительна.

Яков Семёнович нередко выступал и на заседаниях Совета института, и его выступления всегда вызвали большой интерес членов Совета и присутствующих.

На стендах Коми пединститута висят портреты профессоров Я. С. Дубнова и А. М. Журавского. Оба они оставили яркий след в истории факультета, института, несмотря на непродолжительность их работы в нашем коллективе.